

Вырезка из газеты

КАЗАХСТАНСКАЯ
ПРАВДА

г. Алма-Ата

22 ИЮЛ 1979

Признаемся: у нас было опасение, суть которого сводилась к тому, что гастроль карагандинцев могут оказаться как это редко, но бывало, проходными для столичного зрителя. Слишком мало знали москвичи об этом театре, чтобы заранее, авансом раздавать комплименты.

Тем приятнее, что гастроль полностью опровергла опасение, и теперь даже странным кажется, как оно могло появиться. Здесь, думается, лишний довод в пользу того, что нельзя судить об искусстве по шаблону; скажем, выводить значимость вещи лишь по географическому местонахождению театра.

Уже первый спектакль «Черное ожерелье» (инсценировка романа Ш. Муртазаева) показал, что театр обладает хорошей труппой. Хорошей в том плане, что, помимо естественного профессионализма, актеры смогли вложить в достаточно сложную, многоплановую пьесу душу, страсть и то свое видение событий, без которых спектакль стал бы не очень интересной иллюстрацией к литературному произведению. Правда, первое за всю историю театра выступление в Москве уже отзывалось о творческом подъеме, воодушевляло. Но было и другое заметно — хороший темперамент, тонкое изящество, с которым актеры делали свою работу на сцене, — не сиюминутное явление, скорее всего это в традициях театра, таков, видимо, художественный вкус карагандинцев.

О вкусе, об определенной решительности и немалых способностях труппы особенно ярко говорит спектакль «Гнездо глухаря». Пьеса В. Розова, по которой он поставлен, вызвала интерес сразу же после опубликования в журнале «Театр». Достаточно полемически заостренная по части нравственных проблем, она выходит на более широкий, обобщающий образ

жизни, чем сказано в ее подзаголовке — «семейные сцены». В Москве пьеса еще не шла. Намечался ставить ее А. Эфрос в Театре на Малой Бронной; возможно, осенью нынешнего года покажет «Гнездо глухаря» МХАТ. Поэтому вполне понятен большой интерес москвичей

и самый естественный вопрос, относимый ко всякого рода гастролям: что же дает театр своим зрителям в смысле воспитания нравственного, а если дает, то на должном ли уровне?

«Лицо театра актерское, а не режиссерское» — услышал я от одного из критиков после

лей «Жесткие игры» по пьесе А. Арбузова (режиссер Н. Воложанин).

Даже трудно однозначно сказать, чем же взял за живое зрителей этот спектакль. Оригинальностью ли режиссерского и сценографического решения или же прямо-таки пронзительной искренностью исполнения главных и второстепенных ролей. «Люди должны быть добрыми, несмотря ни на что — вот главное условие жизни» — эта известная арбузовская мысль была воплощена столь тонко и достоверно, что спектакль стал не просто волнующим, он стал спектаклем, воздействующим на человеческие сердца и умы. Порой казалось, что не героям спектакля, а самим актерам хотелось высказаться со всей полнотой души: Л. Аппесина (Нэля), А. Мищенко (Кай), А. Добронравов (Терентий), Г. Рогов (Никита), А. Булдаков (Мишка Земцов), В. Корниенко (отец Терентий), В. Девяшина (мать Нэли). Зритель ждал от них доверительного разговора, и он состоялся.

Хотелось бы остановиться еще на двух спектаклях, которые, на наш взгляд, оказались в тени общественного интереса. Это «На бойком месте» А. Островского и пьеса-сказка Е. Черныка и С. Гелоди «Сестрица Алешушка и братец Иванушка». Прекрасные, особенно в сказке, декорации (художник В. Вильчинский), разумеется, не могут быть самым главным компонентом в сценическом действии. И в том и в другом спектакле на первый план выступало увлечение стилизацией под русскую старину, а не глубокая разработка персонажей. Образы вышли однозначными, упрощенными.

В целом же свою миссию театр выполнил. Его спектакли обогатили художественную жизнь Москвы.

В. АРСЕНЬЕВ.

г. МОСКВА.

Летние гастроль

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

К итогам гастроль Карагандинского
русского драматического театра имени
К. Станиславского в Москве

ских зрителей к постановке карагандинцев (ее осуществлял главный режиссер театра Н. Воложанин). Сразу скажем: спектакль удался. Чем ближе подходил он к концу, тем яснее становилось, что главные акценты постановки расставлены не на том, что первым может прийти на ум: на ложном самолюбии и мнимом благополучии Судакова, главы семьи (Д. Белов), на истории бесславного падения карьериста Ясюнина, зятя Судакова (А. Григоров). Центром стал как бы второй, но, пожалуй, самый важный план пьесы: судьбы Прова, сына Судакова (Г. Рогов) и Зои, подруги Прова (Л. Аппесина), их светлый юношеский мир, который так и не взят в полон затхлым мешанством, глухим равнодушием к судьбам других людей. Если смотреть шире, в этом угадывалась позиция театра, декларирующего защиту человеческого достоинства, душевную чуткость. Получал от

спектакля. Именно это мнение разделяло большинство, не умаля, однако, достоинств одного в противовес другому. Напротив, даже похвально, когда о работе режиссера судят по тому, насколько цельно и гармонично сыграли актеры. Когда состоялось коллективное обсуждение московскими критиками спектаклей карагандинцев, это обстоятельство отмечалось в первую очередь. Театр называли также психологическим. Тому были всеоснования. При всем том, что решение некоторых спектаклей представлялось спорным, вызвало уважение активное стремление коллектива говорить глубоко и страстно о наиболее волнующих сторонах жизни. Будь это инсценировка повести В. Тендрякова «Ночь после выпуска» — спектакль-диспут, остроупублицистический спор о душевном максимализме и душевной деликатности: или один из лучших спектаклей гастроль